

ШКОЛА АРГОЛАЙ

ОКСАНА ЛЕБРЕН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Оксана Лебрен

Школа Арголай

<https://litres.ru/74439628>

SelfPub; 2026

Аннотация

За каменной стеной школы Арголай время словно застыло. Три вековые липы не сбрасывают листву даже зимой, стёртый герб хранит память о союзе пяти рас, а бронзовый колокол на старой башенке молчит уже сорок лет. Это место стало последним приютом для тех, кто не вписался в привычный мир: изгоев, бунтарей и полукровок. Но покой этого мрачного интерната рушится в тот день, когда у ворот останавливается серый автомобиль. Двое новых учеников переступают порог школы, и древняя бронза неожиданно оживает, издавая глухой, утробный гул. Колокол, молчавший почти полвека, признал их. Но кого именно?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Оксана Лебрен

Школа Арголай

Глава 1

Школа Арголай занимала вершину холма. От города её отделяли высокая каменная стена и три вековые липы — они не просто росли здесь, а застыли живыми часовыми, не сбрасывая листву даже зимой. Серое каменное здание, узкие окна-бойницы и башенка с бронзовым колоколом, который молчал последние сорок лет. Над дубовой дверью темнел герб: раскрытая ладонь с пятью лучами — по одному на каждую расу. Время почти стерло барельеф, и сейчас уцелели лишь три луча.

В то утро, когда привезли двоих новеньких, колокол вдруг дрогнул.

Этого никто не заметил, кроме школьного дворника Тагга — старого оборотня. В человеческом обличье он казался грузным седым мужчиной с тяжелыми кулаками и янтарными глазами. В зверином — превращался в огромного, под сто двадцать килограммов, волка с проседью на загривке и шрамом через всю морду, памятью о былых битвах за стаю. Из стаи он ушел десять лет назад. О причинах Тагг молчал, а расспрашивать матерого хищника дураков не находилось.

Он ровнял щебень на дорожке у задней стены, когда бронза на башенке глухо и утробно запела — будто зверю наступили на хвост. Низкий, вибрирующий гул длился ровно три секунды.

Тагг замер. Пальцы побелели, намертво сжав черенок лопаты. Он медленно повернул голову к воротам, из-за которых донесся шум мотора и визг тормозов. К воротам подкатил серый, ничем не примечательный частный седан. Не школьный автобус.

— Вот, значит, как, — негромко прорычал дворник. — Ну, посмотрим.

Первым из машины выскочил Микк.

Он хлопнул дверцей с такой силой, что водитель за стеклом вздрогнул. Дернув воротник куртки, парень широко, наигранно улыбнулся, словно приехал на экскурсию, а не в интернат, откуда его едва не выставили за драку с преподавателем. Из салона потянуло чужаком — Тагг даже на расстоянии учуял дешевый запах страха и бензина. Человек за рулем не произнес ни слова: просто мазнул взглядом по зеркалу заднего вида и резко нажал на газ, будто спешил избавиться от опасного груза.

Микк - Невысокий, рыжий, усыпанный веснушками, с крупноватым носом и вечно занятыми руками — он то теребил ремень, то хрустел пальцами, то сжимал кулаки. Человек. Чистокровный — насколько позволял судить кристалл проверки, который в последнее время все чаще врал.

— Ну, — Микк оглядел угрюмую кладку стены. — Мрачно-новато. Мне нравится.

Но когда он повернулся к пассажирской двери, маска веселья соскользнула с его лица. Взгляд стал брезгливым. Так смотрят на уличную грязь: противно испачкаться, но и глаз не отвести — слишком уж нелепо она выглядит.

Рэван выходил медленнее. Не потому, что уступал в силе, — просто каждое движение он заранее просчитывал. Куда наступить, как повернуться, не привлечет ли это лишнего внимания. Парень держался за край дверцы обеими руками. То ли боялся, что машина тронется и он упадет, то ли ему просто жизненно необходимо было за что-то цепляться.

Рэван был на год младше Микка, но выглядел едва ли на тринадцать: худой, жилистый, с впалыми щеками и темными кругами под глазами — следами не банального недосыпа, а чего-то более глубокого и постоянного. Несмотря на душливое пекло уходящего лета, на нем была застегнутая рубашка с длинными рукавами. Черные прилизанные волосы закрывали половину лица. Рэван не улыбнулся, не оглядел угрюмые стены интерната, даже не взглянул на брата. Он устоял на тяжелую дверь школы и молча двинулся к ней.

Микк не просто догнал его — перехватил. Встал кордоном на пути, скрестил руки на груди и посмотрел сверху вниз. Ростом Рэван не уступал, но почему-то всегда казался меньше. Наверное, потому, что отчаянно пытался занять как можно меньше места в мире, который и без того был к нему

тесен.

— Ну что, — голос Микка звучал легко, почти весело — так разговаривает человек, нашедший забавную игрушку. — Перед здешними ребятами тоже прятаться будешь? Прятки-прятки, Рэванчик опять прячется. Прямо как дома, а? Только тут не выйдет — стены голые.

Рэван не остановился и не поднял головы. Попытался молча обойти брата, но Микк синхронно шагнул в сторону, перекрывая дорогу.

— Я к тебе обращаюсь, — вкрадчиво произнес Микк. Велье никуда не делось, но под ним проступило что-то жесткое, как гранит под подошвой. — Когда я говорю — ты смотришь на меня. Мамочка не научила манерам? Ах, точно. Мамочка же сбежала.

Рэван замер. Не от боли — от вьющейся в подкорку привычки. Тело среагировало быстрее, чем разум успел принять решение. Это был выученный рефлекс: когда Микк начинал давить словами (он никогда не бил, не любил марать руки), лучше превратиться в статую. Любое движение приобретает внимание. Внимание — новый укол. Сделаешь шаг — Микк последует за тобой, снова преградит путь и выплюнет очередную гадость, от которой внутри станет горячо и тесно. А если застыть, ему, возможно, быстрее надоест.

— Эй, — Микк щелкнул пальцами перед самым его носом. — Ты здесь вообще? Или опять ушел в свою воображаемую дыру? Посмотри на меня.

Рэван поднял глаза. Серые, со странной, почти металлической каемкой по краю радужки. Не человеческие, но и не звериные, не змеиные, не вампирские. По спине Микка скользнул короткий холодок, но он привычно проигнорировал его. Он не боялся Рэвана. Он его презирал. Презрение — идеальный щит от страха: если то, что тебя пугает, стоит ниже тебя, оно автоматически становится не страшным, а жалким.

— Вот так, — кивнул Микк. — Уже лучше. А теперь шагай.

Он бесцеремонно схватил Рэвана за шиворот. Не грубо, без явной силы, но властно — так берут за шкуру слепого котенка, который не понимает, куда ползти, и нуждается в пинке. Рэван дернулся всем телом, будто от удара током. Снова сработал инстинкт: на его языке прикосновения всегда означали боль — отцовскую плетку, Сэйловы тычки, бабкин ледяной взгляд, от которого хотелось сжаться в невидимую точку. Но Микк не бил. Микк тащил.

— Не дергайся, — бросил он через плечо, волоча брата к крыльцу. — Шел бы сам — не пришлось бы волочить. Так и застыл бы у машины, как столб. Ты же у нас знатный специалист по столбам.

Рэван не сопротивлялся. Не из покорности — просто знал, что бороться с Микком бесполезно. Брат всегда оказывался упрямее, быстрее, громче. Упрешься — он потянет с удвоенной силой, выплюнет очередное издевательство и по-

бедно улыбнется, заставляя желать сквозь землю провалиться. Если не упираться — возможно, он отпустит быстрее.

Так повелось с самого детства. Дома Микк тоже обходил-ся без кулаков. Он давил морально, подбирая слова, которые не оставляли синяков на коже, но вонзались куда-то глубже — туда, где раны не затягивались годами. Рэван не знал, как называется эта тупая, непреходящая боль. Не знал, а потому молчал.

Молчание превратилось в его клетку. Клетка дарила без-опасность.

Они пересекли школьный двор: Микк — впереди, намерт-во вцепившись в чужой воротник, Рэван — следом, сгорб-ленный, вынужденный ускорять шаг под нажимом чужой ру-ки. Со стороны могло показаться, что заботливый старший брат ведет младшего. Обычная, привычная картина. Если не приглядываться, никто и не заметит, что «ведет» — слиш-ком мягкое слово для «тащит», а «младший брат» для Мик-ка — лишь синоним к слову «тварь».

В учительской новость о пополнении встретили глухим молчанием.

Это просторное вытянутое помещение грел камин, кото-рый, впрочем, не разжигали с прошлого года. В Арголае про-вели электрическое отопление, но старую систему так и не подключили, поэтому с октября по апрель здесь царил соба-чий холод. Три массивных стола, грубые скамьи, а на стенах

— портреты прежних директоров с одинаково мраморными физиономиями. Различало их разве что количество морщин: у вампиров кожа оставалась безупречно гладкой, у оборотня лицо напоминало печенное яблоко, а у человека складок было ровно столько, сколько полагается тому, кто прожил тяжелую жизнь и не научился притворяться.

Преподаватель тактики Роуд — человек с четвертью зверюродской крови, о чем знали абсолютно все, но никогда не упоминали вслух — сидел на краю стола и методично точил клинок. Этот ритуал он повторял ежедневно в одно и то же время. Клинок был учебным, затупленным, но Роуд относился к делу со всей серьезностью. Рядом лежал его телефон — экраном вниз, на беззвучном режиме.

— Еще один человеческий, — проворчал тактик, не поднимая глаз от металла. — Нам мало kota в мешке, так давайте добавим еще.

— Двое, — поправила Ледиан, переступая порог.

Чистокровная вампиресса была бледной, темноволосой, с глазами, менявшими цвет от алого до угольно-черного в зависимости от времени суток. Сейчас, утренней порой, они казались усталыми, темно-вишневыми.

— Два мальчика. Братья. Старший — Микк, пятнадцать лет, человек, чистокровный. Из прошлой школы исключен за драку с преподавателем. Младший — Рэван, четырнадцать.

Она опустила на стол личное дело. Роуд даже не повер-

нул головы — он уже сделал все выводы из слова «человеческий» и принялся точить лезвие с удвоенным рвением.

— По материнской линии происхождение не установлено, — продолжила Ледиан, и её голос прозвучал едва заметно ровнее, чем следовало. — По отцовской — человек. Гэррот, бывший капитан Северного легиона. Чистокровный.

— «Не установлено», — эхом отозвался Роуд. Он перестал точить клинок. Лезвие замерло на бруске. — То есть порченный.

— То есть не установлено, — отрезала Ледиан.

Роуд презрительно фыркнул: — В Арголай не принимают полукровок. Это не рекомендация, а жесткое правило.

— Это правило нарушили еще тридцать лет назад, когда приняли тебя, — подала голос Вэйра, преподавательница истории.

Старая человеческая женщина помнила времена, когда вампиры торговали с людьми открыто, а не через безликие корпорации, а оборотни водили караваны на ржавых грузовиках, не опасаясь засад.

— Ты на четверть зверолод, Роуд, — спокойно добавила она. — И мы все послушно делаем вид, будто этого не замечаем.

Тактик мгновенно побагровел: — Это совсем другое!

— Когда дело касается тебя, всё всегда «другое», — обронила Вэйра, даже не оторвав взгляда от растрепанной книги.

Никто не рассмеялся, но густая атмосфера в учительской

ощутимо сместилась. Ледиан уловила эту перемену. Опустив глаза к бумагам, она снова перечитала строчку: *«По материнской линии — не установлено»*. Вампиресса прекрасно понимала, что это чистая ложь. Вопрос крылся в ином — кто состряпал эту фальшивку и с какой целью.

— Кто их рекомендовал? — спросила она.

— Документ без подписи, — буркнул Роуд. — Стоит печать Северного легиона, но конкретного имени нет.

— Без имени, — повторила Ледиан. — Как удобно.

Вэйра закрыла книгу. Тяжелый, глухой стук заставил всех обернуться к её столу. Впервые за всё утро старая учительница подняла глаза на коллег.

— Колокол, — негромко произнесла она. — Вы слышали его сегодня утром?

— Ветер, — отмахнулся Роуд.

— Ветер не заставляет стонать тяжелую бронзу. И уж точно не ровно три секунды подряд. Последний раз колокол подавал голос тридцать лет назад — когда в школу привезли полукровку с редким даром звероловов. Того самого, которого потом...

— Достаточно, — резко оборвала её Ледиан.

— Двое братьев, — как ни в чем не бывало продолжила Вэйра. — Один чистокровный, второй — нет. И замолчавший сорок лет назад колокол вдруг подает знак. Любопытно. Очень любопытно.

— «Любопытно» — не то слово, которое я бы сейчас вы-

брала, — покачала головой Ледиан.

— А какое же?

Вампиресса выдержала зловещую паузу: — Паршиво.

Вэйра медленно кивнула, будто и не ждала от нее иного ответа.

Ледиан забрала личное дело и вышла. В пустом коридоре она на секунду остановилась, прижалась лбом к холодной каменной кладке и прикрыла глаза.

Затем шагнула к узкому окну, выходящему во двор, и посмотрела вниз.

Братья уже пересекали площадь перед крыльцом. Рыжий шел впереди, увлекая за собой младшего. Микк тащил его за шиворот, как безжизненный мешок, и что-то без умолку говорил. Слов через толстое стекло было не разобрать, но по тому, как Рэван вжимал голову в плечи, а старший даже не оборачивался, Ледиан видела картину целиком. Это не имело ничего общего с заботой. В официальных бумагах подобное стыдливо именовали «опекой», в реальной жизни — неприкрытым издевательством.

Вампиресса не отрывала взгляда от цепной пары. Младший не делал ни единой попытки вырваться. Он покорно следовал туда, куда его волокли, и в этой фатальной покорности сквозила страшная, годами отточенная привычка. Так ведет себя существо, давно усвоившее базовое правило выживания: любой протест обернется еще большей болью.

«Вся семья, — горько подумала Ледиан. — Не только

отец. Вся семья. И старший брат туда же».

Ей уже доводилось видеть такое, и не раз. Полукровки часто попадали в Арголай надломленными, и хуже всего было то, что ломали их не чужаки, а самые близкие. Семья — это первый мир, который встречает ребенка. И если этот первый мир с колыбели твердит: «ты — тварь», то и во всей остальной вселенной несчастный будет искать подтверждение этим словам, ловя их в каждом случайном шорохе, в каждом чужом взгляде.

Вот только этот подросток не был обычной искалеченной сиротой. Под засаленной челкой прятался мальчик с металлической полоской в радужке — тот, от чьей крови треснул кристалл проверки и запел колокол, молчавший последние сорок лет.

Ледиан решительно оттолкнулась от подоконника и пошла по коридору. Каблуки её сапог чеканили по плитам ровный, сухой ритм, похожий на удары метронома.

Она отдала Ордену Крови пятнадцать лет жизни. Орден, созданный высшими вампирами, задумывался как инструмент контроля за чистотой рас. Они отслеживали полукровок и пресекали зарождение «опасных генетических линий». Юная Ледиан вступила туда, свято веря: знание — это защита. Если вовремя определить, кто несет угрозу, то никого не придется убивать.

Лишь со временем к ней пришло осознание, что Орден карал куда охотнее, чем защищал.

И вот теперь перед ней этот мальчик. Четырнадцать лет. Тихий, незаметный, с серыми глазами. И странная, едва уловимая тень, на долю секунды скользнувшая по его шее, когда она смотрела на него сверху... А рядом — самодовольный старший брат, который держит его за шкуру с глубоким презрением, которому явно научился у взрослых.

Время у нее еще оставалось. Но ничтожно мало.

Внизу, спрятавшись за углом хозпостройки, Тагг тоже провожал мальчишек хмурым взглядом.

Старый оборотень заметил их еще у ворот. Видел, как вызывающе рыжий выскочил из салона. Как заторможенно выползал второй, судорожно цепляясь за дверцу, словно за спасательный круг. Видел, как старший преградил ему дорогу, скрестив руки на груди. Таггу хватило одного взгляда на хозяйскую позу Микка и его фальшивую улыбку, чтобы безошибочно определить: этот парень привез сюда не брата. Он привез свою личную жертву.

Тагг слишком хорошо знал эту позу. Он нагляделся на нее в стаях — так ведут себя молодые вожаки, которые нашли слабого и давят его до тех пор, пока тот окончательно не сломается или не сбежит. У людей это выглядело иначе — без глухого рычания и оскаленных клыков, — но суть оставалась прежней: продемонстрировать превосходство и насладиться чужой беспомощностью.

Но секунду спустя старый оборотень заметил то, что напроць упустил самодовольный Микк. Когда Рэван на мгно-

вание поднял глаза на брата — на долю секунды, быстрее, чем моргает человеческий глаз, — по его шее скользнула едва заметная тень. Не блик от листвы, не отражение облака — это было движение под самой кожей, будто на свет на миг проступила темная чешуйка и тут же спряталась обратно.

Тагг знал этот знак. Он видел его лишь однажды — очень давно, когда еще не ушел из стаи и сопровождал охотников в дальний рейд на южные болота. Там, в сырых подземных пещерах, старая нага — ей было, наверное, лет пятьсот — показала ему полустертый наскальный рисунок, подсветив его экраном заляпанного мобильного. Древняя фреска почти выцвела от сырости, но одна деталь проступала отчетливо: фигура с серыми глазами и характерной полоской металла, рассекающей радужку.

— Это не наши предки, — прошипела тогда старуха. Её голос резал слух, будто ржавый нож по стеклу. — И не человеческие выродки. Это помесь. Союз льда и пламени. Вампир и оборотень.

Тагг тогда лишь коротко хохотнул: — Не бывает такого. Вампиры и оборотни — вечные враги. Они ни за что не...

— Не спариваются? — старая змея зыркнула на него так, что веселье мгновенно застряло в горле. — Враги — это на поле боя, щенок. А в постели все расы одинаковы. Кровь не спрашивает соизволения королей. Кровь берет то, что хочет.

— Но ребенок... — Тагг запнулся, вспомнив старые байки у костра. — Дитя от союза вампира и вервольфа нежиз-

неспособно. Это всем известно. Две крови просто выжигают друг друга.

— Выжигают, — охотно согласилась нага. — Девяносто девять раз из ста. Дитя рождается, и внутри его крошечного тела закипает война. Звериная ярость сталкивается с мертвой хваткой упырей. Одна кровь пожирает другую, и младенец заживо сгорает изнутри. День, три, неделя безумной лихорадки — и конец. Мучительный конец. И видит небо, это лучший исход для него.

— А в сотый раз? — тихо спросил тогда Тагг.

Старуха долго молчала. Затем медленно провела костлявым пальцем по контуру наскального рисунка, задерживаясь на серых глазах изображенного существа.

— В сотый раз крови не убивают носителя. Они... договариваются. Прорастают друг в друга, переплетаются жилами. И на свет рождается то, чего существовать не должно в природе. Вампир, способный перекидываться диким зверем. Оборотень, утоляющий жажду живой кровью. Тварь, в которой могильный холод и первобытный гнев уживаются вместе, не разрушая сосуд, а многократно усиливая его. Представь, мальчик: регенерация вервольфа, помноженная на безграничную физическую мощь вампира. Звериное чутье, подстегиваемое вечным голодом носферату. Скорость, не знающая пределов, потому что разорванное тело латает себя быстрее, чем клинок успевает выйти из раны.

— И что происходит с таким существом? — сглотнув слю-

ну, спросил Тагг.

— Ничего, — отрезала нага. — Потому что жить им никто не дает. Вампиры находят их первыми и вырезают под корень, ведь для них полукровка — грязное пятно на благородной крови. Оборотни находят вторыми и тоже рвут на куски, для стаи такой ублюдок — несмываемый позор. Но если их не успевают выследить ни те, ни другие...

— То, что?

— Значит, кто-то очень умело его прячет, — прошипела старуха, убирая мобильник. — Очень долго. И видит небо, лучше бы ему не переставать этого делать.

Тагг тогда ничего не понял и, конечно, не поверил. Древние драконы — сказки, гибрид вампира и оборотня — сказки, выжившая из ума змея в сырой пещере — тоже сказка. Он покинул болота и благополучно обо всем забыл.

Но сейчас, стоя у серой стены Арголая, старый оборотень судорожно вспоминал каждое слово наги. По шее приехавшего мальчишки только что скользнула призрачная чешуя.

И еще Тагг заметил то, как именно рыжий — старший, чистокровный человек — стискивал воротник брата. Не родственная опека — мертвая хватка хозяина, привыкшего обращаться с живым существом как с вещью.

«Старший ни черта не знает, — мелькнуло в голове у Тагга. — Не понимает, кого пытается гнобить. Не догадывается, что в этом тощем заморыше дремлют две крови, обязанные сожрать друг друга еще в материнской утробе. Но они не

сожрали. Они заключили пакт. И если эти силы проснутся по-настоящему — если звериная ярость и вампирский голод хлынут наружу одновременно, — дурацкие шуточки этого рыжего ублюдка кончатся. Очень быстро. И очень кроваво».

Оборотень с силой воткнул лопату в щебень и развернулся к главному корпусу. На ходу он поднял с дорожки острый кусок гранита и намертво сжал в кулаке — камень с сухим хрустом раскрошился в серую пыль. Оборотни чувствуют приближение беды иначе, чем люди: не липким холодом под ложечкой, а расплавленным жаром в костях. И сейчас кости Тагга буквально горели.

«Вампир и вервольф в одном флаконе. В нашей школе. И его таскают за шкуру, как паршивого щенка».

Старик замер, жадно втягивая ноздрями морозный воздух. Человеческий запах рыжего мальчишки его не интересовал — тот смердел банальной спесью и злобой. Тагг ловил другой шлейф. Едва уловимый, погребенный под чужими прикосновениями. Запах могильного холода, который невозможно спутать ни с чем, и едва заметный, дикий отзвук лесного зверя. Две крови, которые по всем законам природы должны были выжечь друг друга еще в утробе матери, заключили внутри этого тощего заморыша безумный пакт.

Нага была права. Кто-то очень умело прятал это существо от всего мира. Прятал среди людей, вдали от зорких глаз Ордена и клыков лесных стай.

А теперь привез сюда. В закрытый интернат, где за каж-

дым углом караулят хищники, способные почуять этот коктейль. Древний колокол на башенке уже забил набат, среагировав на невозможное. И Тагт готов был поклясться своими старыми шрамами: неизвестный кукловод, подбросивший мальчишку в Арголай, разыграл эту карту абсолютно осознанно.

Тяжелые дубовые двери школы распахнулись, и на крыльцо вышел парень. Староста — его статус угадывался без лишних слов. Юноше было лет семнадцать, на его отглаженной форме тускло поблескивал серебряный бейдж, а на лице читалось выражение человека, привыкшего повелевать.

Он спустился по ступеням к прибывшим братьям, окинув их быстрым, оценивающим взглядом: шумный рыжий наглец и сгорбленная, забитая тень.

— Директор вызывает, — сухо чеканя слова, произнес староста. — Обоих. К себе.

Микк тут же разжал пальцы и выпустил воротник Рэвана. На людях, перед лицом местной элиты, откровенно издеваться над братом было не по статусу — даже его недалекого ума хватило, чтобы это сообразить. Рыжий поправил манжеты, расправил плечи и зашагал к дверям первым — вальяжно, засунув руки в карманы брюк, всем видом демонстрируя, что он здесь хозяин положения.

Рэван безмолвно двинулся следом. На полшага позади. Как делал всегда.

Кабинет директора располагался на третьем этаже угловой башни. Винтовая лестница вела вверх по каменным ступеням, заметно стертым посередине: до них, здесь прошли тысячи ног. На голых стенах выделялись две вертикальные полосы, красная и серебристая, тянувшиеся от пола до самого потолка, словно заполненные краской трещины. Рэван заметил их и на секунду задержал взгляд. Красная и серебряная. Точь-в-точь как линии, проступавшие на его собственных ладонях по ночам. Он поспешно отвел глаза и двинулся дальше.

Тяжелую дубовую дверь украшала медная ручка в форме ладони. Староста постучал дважды. Дожидаясь короткого ответа, створка отворилась сама — без единого скрипа или стоны, плавно, будто их здесь давно ждали.

— Заходите, — бросил староста и остался караулить снаружи.

Кабинет оказался на удивление маленьким и строгим: узкое окно с видом на внутренний двор-колодец, массивный стол, пара стульев для посетителей и высокий книжный шкаф. Никаких украшений, никакого намека на уют. Только холодный камень вокруг и резкий, отчетливый запах — смесь старой бумаги и чего-то неуловимо цветочного.

Рэван замер на пороге. Этот неземной цветочный аромат... Тот самый. Запах матери, который он помнил лишь по обрывкам детских снов и теплу рук, исчезнувших девять лет назад. Откуда он здесь? В кабинете директора? Мальчик

заставил себя моргнуть, с трудом сглотнул подступивший к горлу ком и прошел внутрь.

Директор сидела за столом.

Она была красива той хищной, мертвой красотой, которая не способна согреть: идеально гладкое бледное лицо, темные волосы, зачесанные назад, и бездонные угольно-черные глаза. Строгое темное платье с глухим высоким воротником довершало образ. Перед ней лежали документы, перьевая ручка и небольшой мутный кристалл на подставке из черного дерева. Минерал казался безжизненным, но стоило Рэвану переступить черту кабинета, как внутри него едва заметно, словно раздуваемый ветром уголек, затеплился огонек. Директор даже не взглянула на кристалл. Её леденящий взор был прикован к вошедшим мальчикам.

— Садитесь, — произнесла она.

Говор был ровным, низким, лишенным как тепла, так и злости. Так чеканят слова люди, которые стремятся не к диалогу, а к жесткому установлению границ.

Микк плюхнулся на стул первым — вальяжно развалился, закинул ногу на ногу и откинулся на спинку. Рэван опустился рядом: спина натянута как струна, плечи расправлены, ладони на коленях. Он не касался спинки стула. Сработал выученный рефлекс — сидеть так, чтобы в любую секунду можно было сорваться с места.

Директор изучала их. Плотное, осязаемое молчание длилось целую минуту, которая под этим тяжелым взглядом рас-

тягивалась, словно резина. Не выдержав давления, Микк начал ерзать, теревить пряжку ремня и нервно хрустеть пальцами. Рэван не шевелился.

— Меня зовут Оррена, — заговорила она наконец. — Я директор этой школы. Не декан, не куратор — именно директор. Это означает, что всё, происходящее в данных стенах, замыкается на мне. Абсолютно всё. Включая то, что вы услышите прямо сейчас.

Она перевела тяжелый взгляд на Микка.

— Микк. Пятнадцать лет. Чистокровный человек. Из предыдущего учебного заведения отчислен за драку с преподавателем. — Женщина приподняла один из листов. — Преподаватель был крупнее вас втрое. Вы умудрились сломать ему нос. Нос сросся за полчаса. Вы отделались выговором, наставник — синяком. Но через неделю вы бросились на него снова. На этот раз — вооружившись табуретом. Табурет разбился в щепки, преподаватель устоял. После этого вас исключили.

Микк нагло ухмыльнулся, ничуть не раскаиваясь: — Он первым начал.

— Я не спрашивала, кто начал, — оборвала его Оррена, и в её голосе звякнул металл. — Я констатирую то, что было. И определяю то, что будет.

Она переключила внимание на Рэвана. В это мгновение — на неуловимую долю секунды — её бездонные черные глаза стали еще глубже. Будто она разглядела нечто совершен-

но неожиданное и теперь лихорадочно соображала, как поступить.

— Рэван. Четырнадцать лет. По отцовской линии — человек. По материнской — происхождение не установлено.

Директор выдержала зловещую паузу. Кристалл на деревянной подставке снова едва заметно мигнул.

— Не установлено, — эхом повторила она, и в её интонациях впервые проскользнуло нечто странное — не раздражение, не сочувствие, а глухая настороженность. — В Арголае эта формулировка означает лишь одно: проверяющий кристалл оказался бессилён. А ведь он определяет всё. Любые генетические линии, любые скрытые смеси и тончайшие примеси рас. Кристалл видит абсолютно каждого насквозь.

Оррена заглянула Рэвану прямо в душу. Мальчик отчаянно выдержал этот взгляд, не позволив себе зажмуриться, хотя внутри у него всё болезненно сжалось. Эта женщина смотрела на него не как человек. Она видела сквозь темноту, и та тщательно оберегаемая тьма внутри Рэвана — его клетка, его выученное молчание, его главная тайна — для директора не была преградой.

— Артефакт не сумел прочесть твою кровь, — тихо, почти интимно произнесла она. — Значит, в твоих жилах течёт то, что кристалл распознавать не умеет. Или... не смеет.

Рэван промолчал.

Микк внезапно перестал ерзать. Он растерянно переводил взгляд с директора на брата, и в его глазах впервые за

весь день проступило что-то помимо привычного презрения — абсолютное непонимание. Фразу «не установлено» он мельком слышал и дома, когда отец Гэррот швырял на стол присланные канцелярией Легиона бумаги и грязно матерился. Но директриса говорила об этом совершенно иначе. Не как о позорном клейме, а как о пугающей загадке. А Микк ненавидел загадки.

Оррена захлопнула папку: — Я не стану притворяться, будто вы здесь желанные гости. Вы оказались в Арголае лишь потому, что вас больше некуда деть. Не за таланты или особые заслуги. Наша школа — это последний рубеж, готовый вас принять. Самый последний. Следующего шанса у вас не будет.

Она вновь посмотрела на старшего брата: — Если ты попробуешь броситься на преподавателя с табуретом здесь — тебя не исключат. В Арголае не существует отчислений. Здесь наказывают. И здешняя кара сильно отличается от того, к чему вы привыкли в человеческих пансионах. Вас не поставят в угол и не вызовут родителей. У вас попросту нет родителей, которых можно сюда вызвать. У вас есть только эти стены. А они умеют очень доходчиво учить.

Микк ощутимо побледнел. Не от робкого страха — от глухой, закипающей ярости. Но смолчал: ледяной тон Оррены не оставлял сомнений в том, что любые споры бесполезны. Не потому, что она не станет слушать. А потому, что приговор уже вынесен.

— Сейчас вас сопровождают в класс. Вашим куратором назначена госпожа Риэль, она руководит первым потоком и встретит вас. — Директор сделала паузу и добавила тише, но от того не менее жестко: — И последнее. В Арголае каждый — я подчеркиваю, каждый — до последнего вздоха защищает свою территорию. Свои коридоры, свои парты, свои углы. Вы переступаете порог чужого дома. И входите туда не гостями, а незваными чужаками. Помните об этом.

Она сделала едва заметный кивок, и массивная дверь за их спинами плавно отворилась сама собой.

В коридоре их поджидал вовсе не староста.

Новая женщина оказалась высокой, иссохшей, с неестественно прямой спиной. Её лицо оставалось абсолютно пустым — ни намек на улыбку, злость или хотя бы мимолетный интерес. Безликая маска, чистый пергамент, на котором еще ничего не написано, но интуиция подсказывала: когда придет время, писать на нем будут исключительно кровью. Рэван украдкой взглянул на нее, и внутри него что-то болезненно дернулось — не так, как в кабинете директора, без голодного урчания, а с глухим, пружинящим сопротивлением. Будто упрямый мускул попытались насильно согнуть, а он намертво заклинил.

— Риэль, — сухо отчеканила женщина. Она не стала представляться — просто выжгла свое имя, как несмываемое клеймо. — Идёмте за мной.

Куратор развернулась и зашагала прочь, даже не потрудившись проверить, следуют ли они за ней. Идут — хорошо. Отстанут — их личные трудности.

Они петляли по бесконечным темным переходам. Коридоры Арголая освещались не электричеством, а настоящими факелами. Живое, дрожащее пламя бросало на стены причудливые тени. Эти черные силуэты словно оживали и тянулись вслед проходящим мальчикам, будто древний замок прекрасно знал: по его плитам ступает тот, кому здесь категорически не место.

Риэль двигалась впереди уверенно и четко, её каблуки выбивали по камню сухой ритм. Следом понуро брел Микк, всё еще не отошедший от тяжелого разговора в башне. Замыкал шествие Рэван. На полшага позади. Как всегда.

— Эй, — едва слышно выдохнул Микк через плечо. — Ты понял, что за чушь несла эта баба? Какая еще кровь, которую кристалл не умеет читать? Что за бред?

Рэван промолчал. Он и сам не находил ответов. Но его тело уже всё прекрасно понимало, реагируя на глубинном, инстинктивном уровне. С тех самых пор, как они пересекли школьные ворота, внутри него отчетливо пробудились два чужеродных голоса. Один — тягучий, леденящий, требующий голодной охоты. Второй — яростный, рвущий жилы, дикий и звериный. И оба они теперь не просто шептались, они откровенно ревели, чутко откликаясь на витающие в воздухе запахи и застарелую кровь, въевшуюся в кладку

стен. Рэван никогда прежде не ощущал их так пугающе ясно. Дома, в человеческом мире, всё спало. Наверное, потому, что там некому было бросить вызов. А здесь... здесь были все. И все они находились на расстоянии удара.

Риэль резко затормозила перед тяжелой деревянной дверью с массивной железной скобой вместо ручки. Из-за глухой створки доносился нестройный гул: обрывки смеха, выкрики, грохотдвигаемых стульев. Класс.

— Войдите, — скомандовала Риэль. — Переступив порог, стойте у стены. Не садиться. Не заговаривать. Просто ждите. Она рванула дверь на себя.

Кабинет оказался огромным — десятка два парт, за которыми сидело около тридцати учеников. Контингент поражал своей пестротой. Часть подростков застыли бледными, неподвижными изваяниями с немигающими глазами носферату. Другие — неестественно крупные, мускулистые, с тяжелыми кулаками — выделялись хищной, развязной грацией оборотней. В углу сгруппировались самые тихие и опасные — существа с тонкими раскосыми чертами лица, вертикальными змеиными зрачками и кожей, слегка отливающей чешуйчатым глянцем. Были у стен и обычные люди — незаметные, сгорбленные, отчаянно пытающиеся слиться с мебелью.

В одно мгновение тридцать пар глаз синхронно обратились к дверному проему.

Микк шагнул внутрь первым. Он тут же нацепил свою фирменную — широкую, фальшивую до приторности улыбку.

ку. Рэван проскользнул следом, низко опустив голову, так что черные пряди полностью скрыли его лицо.

Гул оборвался.

Не плавно, а разом. Секунду назад в классе стоял невообразимый гам, но стоило разношерстной толпе разглядеть вошедших новичков, как шум отрезало, словно закрутили тугой кран. Секунда — и воцарилась гробовая, звенящая тишина. Тридцать пар глаз уставились на братьев, и в каждом этом взгляде читалось одно и то же: холодная оценка. Обитатели класса взвешивали их так, как матёрые хищники оценивают потенциальную добычу — без ярости, без личной неприязни, исключительно профессионально. Вычисляли, кто слабее. Нащупывали, кто сильнее. Маркировали, кто здесь чужак.

Микк — рыжий, невысокий, обычный человек. Слишком слабый по суровым меркам Арголая, где истинная сила измерялась не ростом и не весом, а тем могуществом, которое дарует кровь. Микк этого пока не знал, но уже отчетливо чувствовал по тому, как на него смотрели — сверху вниз. Абсолютно все.

Рэван — тощий, бледный, в глухой рубашке с длинными рукавами и с волосами, скрывающими лицо. Ничего приметного. Ничего опасного.

И всё же некоторые ученики задержали на нём взгляд гораздо дольше, чем требовали приличия. Не потому, что разглядели что-то подозрительное, а потому, что учуяли. Кто-

то нахмурился. Кто-то инстинктивно отодвинулся подальше. Кто-то медленно повернул голову, ведомый странным ароматом, который не получалось определить, но от которого одновременно хотелось и подойти поближе, и бежать без оглядки.

Один из верзил на заднем ряду — с тяжелой челюстью и черной татуировкой на шее — негромко, но отчетливо бросил сидящему рядом: — Это тот самый, из-за кого колокол орал.

На новичков уставились с удвоенным интересом. По партам пополз ядовитый шёпот, передаваясь от ряда к ряду живой волной, словно едкий дым, словно лесной пожар.

Риэль перешагнула порог вслед за мальчиками и замерла у грифельной доски. Шёпот тут же оборвался. Не от липкого страха — класс просто прекрасно знал, что куратор не выносит лишнего шума.

Женщина стояла неподвижно — прямая, сухая, со стертым, безжизненным лицом. Молчание затягивалось. Десять секунд. Пятнадцать. Двадцать. Ученики сидели как по струнке. Микк нервно переминался с ноги на ногу у косяка. Рэван застыл изваянием.

— Сядьте, — наконец процедила Риэль. — Третий ряд. Свободные места.

Братья подчинились. Тяжелые деревянные парты были сплошь покрыты именами прежних воспитанников, которые давно покинули эти стены. Рэван осторожно провел

подушечкой пальца по глубокой борозде: «*Кайл. 2023*». И чуть ниже, уже другим, размашистым почерком нацарапано: «*Ушёл. Не закончил*». Рэван не стал размышлять, что именно скрывалось за этим «не закончил». Слово «ушёл» говорило само за себя.

Риэль медленно обвела класс ледяным взглядом.

— Итак, — её резкий, хлесткий голос заставил всех невольно выпрямить спины и затаить дыхание. — У нас полнение. Как видите, двое. Братья.

Куратор неспешно двинулась вдоль проходов между рядами. Она не смотрела на подростков — ей это было не нужно. Риэль кожей чувствовала их колющие взгляды, их звериное напряжение и притихшее, затаенное ожидание. Вернувшись к доске, она развернулась к Микку и Рэвану. Её лицо по-прежнему напоминало маску, высеченную из серого гранита.

— Мне глубоко безразлично, что вы творили в прежних школах и как именно нарушали дисциплину, — каждое её слово падало в гробовую тишину кабинета, словно тяжелый валун, пущенный на дно колодца. — Здесь — не там. В этих стенах вы беспрекословно подчиняетесь мне. Захотите сделать это добровольно — облегчите себе жизнь. Не захотите — я сломаю вас и заставлю. У меня нет ни времени, ни желания нянчиться с теми, кто не научился держать спину прямо, а язык — за зубами.

Она сделала расчетливую паузу, позволяя угрозе осесть в воздухе, проникнуть под кожу и добраться до самых упря-

мых нервных окончаний.

— Мой класс — лучший в школе, — продолжила она, чуть повысив голос, чтобы её слышали даже на галёрке. — И я не потерплю в нём отбросов, тянущих остальных на дно. Здесь каждый отрабатывает своё право находиться в этих стенах. Каждый день. Каждую минуту. За неуспеваемость последует кара. И не надейтесь, что вас просто выставят вон. Из Арголая не выгоняют. Вы останетесь здесь. И станете делать то, что я прикажу, ровно столько раз, сколько потребуется, пока из вас не выбьют дурь.

Рэван сидел, не шевелясь — в тщетной надежде, что, если замереть и слиться с мебелью, хлесткие слова не смогут его ранить. Микк до скрипа сжал зубы, но даже не попытался огрызнуться. Весь вид этой женщины кричал о том, что любая дерзость здесь не просто бесполезна — она смертельно опасна.

— Отныне вы являетесь на уроки секунда в секунду, — продолжала Риэль, обращаясь уже ко всей аудитории, но так, что каждый ученик спиной чувствовал направленный на него клинок её взгляда. — Вы отвечаете, когда вас спрашивают. Вы безмолвствуете, когда велено молчать. Вы выполняете приказы без лишних вопросов и глупых оправданий. Моё задание — закон. Моя оценка — истина, не подлежащая обсуждению. Моё наказание — долг, который будет отработан. Без исключений. Без жалости. Без поблажек.

Она вновь обвела взглядом застывший класс, и на мгно-

вание показалось, будто воздух в кабинете стал свинцовым.

— Сегодня вы — чужаки — произнесла она тише, но от этой вкрадчивости по коже побежали мурашки. — Завтра вы станете винтиками системы. И если вы не впишетесь в механизм, система вас перемелет. Не из жестокости. А потому, что она органически не выносит пустоты. Свободное пространство необходимо заполнять. Либо вы заполните его безукоризненной дисциплиной, либо я выжгу его наказанием. Выбирайте.

В классе снова повисла плотная, почти осязаемая тишина. Никто не шевелился, никто не смел переглянуться. Даже самые отпетые задиры, привыкшие смотреть на учителей исподлобья, сейчас уставились строго перед собой, панически боясь встретиться с куратором взглядом.

— Откройте тетради, — скомандовала Риэль, беря брусок мела. — И запишите правила моего класса. Все до единого. Вы станете повторять их до тех пор, пока не вызубрите наизусть. Пока не начнете ими дышать.

Мел сухо и противно заскрипел по темной поверхности. Женщина принялась писать — крупно, размашисто, будто намертво высекая в граните каждое слово:

Не опаздывать.

Не спорить.

Не выделяться.

Выполнять без промедления.

Отвечать только по вызову.

Молчать, когда не спрашивают.

Наказание — неотвратимо.

Класс угрюмо зашуршал страницами, послышался скрип перьев. Микк выводил строчки, и его пальцы всё ещё заметно подрагивали, но он отчаянно пытался писать ровно — словно сам этот каллиграфический, аккуратный почерк мог послужить ему надежным щитом. Рэван выводил буквы медленно, без нажима, со свойственным ему бесконечным терпением. Будто если сделать всё идеально правильно, беда обойдет его стороной.

Когда список застыл на доске, Риэль отложила мел и снова повернулась к аудитории.

— Теперь, — произнесла она, — каждый из вас зачитает это вслух. По цепочке. Пока вы будете говорить, я стану внимательно наблюдать. И поверьте, я сразу увижу, кто воспринимает устав всерьез, а кто наивно полагает, будто можно отделаться пустым сотрясанием воздуха.

Она кивнула первому ученику — бледному вампиру с неподвижным, остекленевшим взглядом. Тот неохотно поднялся, с усилием проглотил вставший в горле ком и начал:

— *Не опаздывать...*

Поначалу его голос звучал неуверенно, но с каждым последующим пунктом наливался твердостью. Не от внезапной веры в школьные идеалы — парень просто вовремя осознал, что здесь нельзя казаться слабым. Слабость в Арголае замечали мгновенно. Слабость безжалостно использовали. За

слабость жестоко наказывали.

Когда очередь дошла до Микка, тот вскочил со своего места — чересчур резко, будто отчаянно пытался доказать окружающим, что ему ни капли не страшно. Он отчеканил правила ровно, без лишних эмоций, изо всех сил маскируя и дрожь в голосе, и предательское напряжение в плечах.

Рэвану вставать не пришлось. Риэль скользнула по нему ледяным взором, задержалась на долю секунды и едва заметно качнула головой, разрешая остаться на стуле. Мальчик так и не понял, было ли это редким проявлением снисхождения или куратор просто решила не тратить на безликого заморыша лишние силы.

Начался урок. Риэль лекции сухо, четко, без малейших лирических отступлений — казалось, она не объясняла тему, а методично вбивала в юные головы железный армейский порядок. Женщина не интересовалась, всем ли понятен материал, не давала поблажек и никогда не повторяла дважды. Опоздал с конспектом — твои проблемы. Дернул ручкой, нарушив регламент, — лови выговор, который тут же заносился в тяжелый журнал. Микк пару раз по привычке порывался вставить едкую реплику, чтобы хоть как-то разрядить удушливую атмосферу, но вовремя перехватывал тяжелый взгляд Риэль и прикусывал язык. Впервые в жизни к нему пришло чёткое осознание: здесь панибратские шутки не спасут, а лишь окончательно его подставят.

Однако постепенно гнетущее напряжение в классе нача-

ло рассеиваться. И вовсе не потому, что куратор внезапно подобрела. Просто урок оказался... нормальным. Совершенно обычным. Риэль увлеченно рассказывала об истории города, о возведении старой ратуши, о разрушительном пожаре тысяча девятьсот третьего года и о том, как после этого бедствия здание школы перестраивали трижды. Её интонации оставались бесстрастными, словно у диктора вечерних новостей, но сама история дышала жизнью. В ней находилось место звучным именам, точным датам и забавным бытовым мелочам — вроде байки о тогдашнем директоре, который прятал в тайнике кабинета банку вишневого варенья, а ученики из года в год умудрялись ее находить.

Класс мало-помалу втягивался в процесс. Подростки перестали сидеть как на иголках, кое-кто даже начал поднимать руки, задавая короткие вопросы по делу. Риэль отвечала в тон: лаконично, без лишней воды, но удивительно доходчиво.

Микк слушал, увлекшись, и сам не заметил, как его намертво сжатые кулаки наконец расслабились. История про директорское варенье его даже слегка повеселила — рыжий поймал себя на дикой мысли, что впервые за весь этот бесконечный день ему хочется не сбежать через окно, а дослушать рассказ до конца. Когда Риэль велела открыть учебники на сорок второй странице, он подчинился без привычного внутреннего протеста. А когда последовало задание — выписать три ключевых исторических события и письменно обосно-

вать их важность, — Микк даже не закатил глаза. Просто пододвинул тетрадь и принялся за работу.

Вокруг негромко скрипели перья, кто-то тихо шуршал страницами, кто-то шепотом уточнял у соседа точную дату. Микк вдруг ответил, даже не задумываясь: — Там, в сноске внизу страницы, смотри.

Сосед коротко кивнул — без бурной благодарности или лишней теплоты, но как равному, как человеку, который понимает, о чем речь. И этого скупого жеста Микку вполне хватило.

Рэван тоже прилежно слушал. Не потому, что его так сильно волновала судьба сгоревшей ратуши, а потому, что размеренная речь Риэль возводила вокруг него невидимый защитный барьер. Пока куратор говорила, на него никто не пялился, никто не требовал отчета и не пытался оценивать. Он выводил строчку за строчкой с предельной аккуратностью. Процесс письма позволял держать голову опущенной, не поднимать глаз и избегать случайных столкновений с чужими взглядами.

Но в какой-то момент мальчик всё же вскинул голову — просто чтобы свериться с картой, которую Риэль закрепила у доски. И тут же заметил, что сидящий впереди верзила с тяжелой челюстью — тот самый, который так хищно разглядывал его на входе, — сейчас хмуро горбится над тетрадью и сосредоточенно пересчитывает даты. В эту секунду он казался самым обыкновенным подростком. Просто старше,

просто крупнее остальных и, очевидно, жутко не любящим ошибаться.

От этого открытия Рэвану сделалось немного легче. Если даже местный вожак сидит в таком сильном напряжении, значит, дело вовсе не в появлении новеньких. Значит, Риэль одинаково безжалостна ко всем.

Когда пронзительно продребезжал звонок, класс не сорвался с мест, как это обычно бывало в прежних школах, где ученики гурьбой неслись к выходу. Здесь подростки поднимались спокойно, не спеша закрывали тетради, складывали перья в пеналы и лишь после этого чинно двигались к дверям. Складывалось впечатление, что даже перемена в Арголае являлась частью нерушимого регламента.

Микк с удовольствием потянулся, шумно выдохнул и вдруг перехватил мимолетный взгляд того самого соседа, которому подсказал минуту назад. Парень едва заметно кивнул, словно вынес вердикт: «Ладно, ты здесь. Жить можно». И Микк ответил ему точно таким же кивком. Без лишних слов.

На большой перемене школьная столовая встретила учеников привычным уютом: бесконечные ряды длинных столов, аппетитный запах жареной картошки, ленивая очередь у раздачи и плотный гул голосов. Этот шум не нес в себе агрессии — обычный подростковый гам.

Микк мгновенно сориентировался в обстановке. Он уве-

ренно подхватил поднос, выбрал порцию пюре с сочной котлетой, прихватил салат и без тени смущения подсел к своим недавним соседям по парте — угрюмому верзиле и юркому парню. Старожилы не расплылись в приветственных улыбках и не принялись дружески хлопать новичка по плечу, но и отодвигаться не стали. Они буднично продолжали обедать, вяло споря о том, чья очередь дежурить в холле. Микк аккуратно вставил пару реплик — без заискивания, спокойно, просто поддерживая общую нить разговора. Этого оказалось достаточно. Уже через пять минут рыжий вовсю хохотал над чьей-то байкой про физрука, который перепутал связки и полчаса штурмовал раздевалку ключом от собственного кабинета. Смех был искренним, легким, и Микк неожиданно поймал себя на мысли: впервые за этот безумный день он может дышать полной грудью.

Рэван в столовую не пошел. Сама мысль о том, чтобы толкаться в очереди, ловить на себе оценивающие взгляды у раздачи или случайно задеть кого-то плечом, вызывая лавину издевок, внушала ему тихий ужас. Вместо этого он выскочил во внутренний двор — туда, где царило относительное безмолвие. Меж учебными корпусами вилась узкая, засыпанная гравием дорожка, упиравшаяся в старую скамью, почти полностью скрытую густыми зарослями сирени.

Мальчик примостился на край деревянного настила, бережно развернул фольгу и принялся медленно жевать домашний бутерброд. Он чутко прислушивался к окружающе-

му миру, а не к собственным страхам: к приглушенному шуму из открытых окон, к шагам на дальнем крыльце, к веселому эху чужого смеха и мерному скрипу качелей, которые кто-то лениво раскачивал на заднем дворе. Звуки были самыми обыкновенными. Школьными. Городскими. И от этой привычной рутины на душе становилось спокойнее.

Когда с обедом было покончено, к сиреневым кустам подошел невысокий парень в очках, бережно прижимавший к боку пухлую канцелярскую папку. Секунду он колебался, словно не решаясь нарушить чужое уединение, но затем все же опустился на скамью — не вплотную, оставив между ними четкую дистанцию.

— Ты Рэван? — тихо спросил незнакомец. Он не повернул головы, уставившись куда-то вперед, на серую кирпичную кладку корпуса. — Я Лео. Из параллельного потока. Ризель велела передать, что после уроков тебя ждут в библиотеке. Твое первое дежурство. Поможешь расставить книги по полкам, а потом... ну, куратор сказала, ты станешь вести отчет. О тех, кто туда заглядывает. Ничего сложного. Просто фиксировать имена и... замечать детали.

Рэван молча кивнул. Не от радости, а от банального облегчения: поручение звучало обыденно. Не как изощренное наказание или публичная порка, а как стандартная школьная повинность. Словно его просто попросили донести до учительской коробку с мелом.

— Спасибо, — выдавил он. Слово прозвучало непривыч-

но и неуклюже, будто он чертовски редко произносил его вслух.

Лео безразлично передернул плечами: — Да брось. В библиотеке по крайней мере тихо. Если захочешь, я покажу, где там что находится. Или не покажу. Как тебе удобнее.

Парень снова умолк, но воцарившаяся между ними тишина больше не давила на плечи свинцовым грузом. На старой скамье в тени сирени просто сидели двое подростков. Один аккуратно сворачивал пустую фольгу, второй баюкал свою папку и созерцал стену. И это было удивительно нормально.

Глава 2

Учительская стремительно пустела. Последний из педагогов, пожилой историк Берг, ушел еще полчаса назад, оставив после себя лишь холодный камин, два непогашенных настенных светильника и сизый аромат остывшего чая. Риэль по-прежнему сидела за столом. Она ждала.

Оррена вошла без стука. Не из-за банальной забывчивости — просто весь Арголай принадлежал ей, и любая дубовая створка в этих стенах распахивалась исключительно по её воле.

Куратор мгновенно поднялась. Не из глубокого почтения, а в силу въевшейся привычки: важные вещи она привыкла озвучивать на ногах. Сидеть означало позволить себе минутную слабость, а подобных вольностей Риэль не прощала себе никогда.

— Их здесь быть не должно, — глухо произнесла Риэль. Её тон оставался ровным, но звучал заметно тише обычного — так разговаривает человек, который слишком долго копил слова внутри и теперь цедит их по одному, боясь сорваться на крик. — Старший — обычный человеческий мальчишка, с ним всё ясно. Но младший... Младший, Оррена! Вы сами видели кристалл проверки и как именно он отреагировал.

Директор опустилась на стул, напротив. Медленно, с той величественной неторопливостью, которая свойственна су-

ществам, прожившим достаточно долго, чтобы не спешить с ответами. Приглашать коллегу сесть, она не стала. Не из желания подчеркнуть субординацию — Оррена понимала, что Риэль стоит на ногах из внутренней необходимости. Ей жизненно важно было застыть столбом, чтобы попросту не разлететься на куски от подступившего ужаса.

— Я видела, — отозвалась Оррена.

— И всё же вы их приняли.

— И всё же я их приняла.

Риэль с силой стиснула край стола. Её пальцы побелели, а костяшки проступили ровным рядом бледных камней.

— Я больше сотни лет веду классы, — заговорила она, и её голос, обычно сухой и безжизненный, вдруг дрогнул. Коротко, словно трещина на стекле, которую тут же поспешно залили воском. — Я повидала трудных подростков. Видела озлобленных. Видела смертельно напуганных. Я справлялась со всеми, потому что четко понимала, с чем имею дело. С этим мальчишкой — не понимаю. И это не просто «сложный ребенок», Оррена. Это то, чего в принципе не должно существовать на свете.

— Многое не должно существовать, — негромко парировала Оррена. — И всё же — существует.

— Не уходите от темы!

Риэль повысила голос. Впервые за долгие годы службы — впервые в этой комнате, перед лицом этой женщины — она сорвалась на крик. Звук получился странным, надрывным.

Будто струна, натянутая до предела еще в прошлом веке, наконец с треском лопнула, а её отголосок всё еще вибрировал в воздухе, не веря, что его наконец отпустили.

Директор даже не вздрогнула. Она созерцала бьющуюся в тихой панике коллегу без осуждения или удивления. В её бездонных глазах читалось кое-что похуже — глубокое, застарелое понимание. Словно Оррена уже слышала эти испуганные речи. От кого-то другого, в другую эпоху, в этих самых безмолвных **коридорах**.

— Сядь, — тихо произнесла Оррена. Это был не приказ — мягкая просьба. Так говорят те, кто привык повелевать, но сейчас осознанно отказывается от давления.

Куратор упрямо осталась стоять: — Нет. Я буду говорить на ногах. Потому что если я сяду, то выскажу всё, что думаю без прикрас. А если выскажу — вы, возможно, вышвырнете меня из Арголая. И мне, видит небо, будет плевать, потому что молчать я больше не могу. Только не сейчас. Не после того, что я сегодня наблюдала в классе.

Оррена слегка склонила голову набок: — И что же ты видела?

Риэль нервно облизнула пересохшие губы — суетливый, чуждый ей жест, которого за ней никогда прежде не водилось.

— Мальчик сидел за своей партой. Тихий, замороженный, неподвижный. Ничего не делал — просто тупо сверлил взглядом тетрадь. Но когда в кабинет заглянул Берг...

Вы ведь помните Берга? В его жилах четверть зверолоудской крови, у этого старика чутье острее, чем у половины нашего преподавательского состава. Так вот, Берг зашел всего на пару минут — занести журнал — и буквально прирос к месту. Прямо на пороге. Он уставился на ребенка. Не на меня, не на остальных учеников — исключительно на этого Рэвана. А когда лекция закончилась, он поймал меня в коридоре. Весь бледный. И спросил: «Риэль, что у него за кровь? Я не могу разобрать. Чую мертвечину вампира — и тут же теряю след. Чую дикого зверя — и снова пустота. Это невозможно».

Директор хранила тяжелое молчание.

— Невозможно, — с нажимом повторила куратор. — Вот точное слово. Берг сказал «невозможно», и он чертовски прав. Это противоестественно. Вампирская и звериная сущности не смешиваются. Не смешивались никогда за всю историю. Каждая строчка в архивах, каждый задокументированный случай подобного союза — это смерть. Неизбежная смерть еще в утробе, смерть в первые часы после родов, смерть в первые дни лихорадки. Все до единого, Оррена! Без исключений. Я лично изучала эти хроники, когда служила в Ордене Крови. Я видела те страшные фотографии. Видела, во что превращается младенец, в чьем крошечном теле две расы начинают тотальную войну на уничтожение. И я прекрасно знаю, что после этого остается от несчастной матери.

Её голос сорвался. Не громко — тихо, как срывается натянутая нить, которую держали слишком долго: она не рвет-

ся с сухим треском, а просто выскальзывает из ослабевших пальцев, оставляя тебя стоять с пустыми руками.

Риэль опустила голову. Не ради того, чтобы скрыть слезы — у вампиров их не бывает, — а чтобы спрятать то, что в это мгновение стало слишком живым в её взгляде. Даже не боль, а память — тяжелую, словно намокший под ливнем плащ, который невозможно сбросить с плеч. Она прекрасно понимала: Оррена всё видит. Вампиры улавливают внутреннюю дрожь соплеменников так же безошибочно, как чувствуют приближение грозы — кожей, костями, самой природой бессмертной крови.

— Прости, — глухо выдохнула Риэль. Это слово прозвучало чужеродно, будто она выучила его в далеком детстве, но почти не использовала на практике. — Прости, что сорвалась. Это... непедагогично.

Директор ответила не сразу. Она неспешно подошла к шкафу, достала из резного ящика тонкую фарфоровую чашку — старинную, с позолоченной каймой, которую обычно не вынимали на свет. Налила на самое доньшко темного чая из крошечного заварника. Напиток предназначался не для вкуса, а ради ритуала: чтобы занять руки и дать мыслям передышку.

— Ты не должна извиняться передо мной за то, что тебе страшно, — спокойно произнесла Оррена. — Тем более, когда у тебя есть на это полное право. Куратор горько ухмыльнулась: — Страх — роскошь, которую я не могу себе поз-

волить, Оррена. Я застала времена, когда Орден Крови еще звали «Стражами Равновесия», видела, как полыхают города и рушатся древние династии. Я помню, как великие вампирские кланы исчезали за одну-единственную ночь лишь потому, что совет счел их опасными. И всё равно... этот мальчик пугает меня. Он как скрытый дефект в стекле. Смотришь со стороны — гладкая поверхность, но в глубине уже змеится скол. Если нажать чуть сильнее, трещина поползет до самого края. — А если не нажимать? — вкрадчиво поинтересовалась Оррена. — Что, если просто позволить ему существовать? Позволить учиться, взрослеть, совершать глупости и ошибаться — точно так же, как учатся и ошибаются все обычные подростки? — Он не имеет ничего общего с обычными подростками, — прошептала Риэль. — Он — живое воплощение невозможного. В былые эпохи мы отчаянно пытались удержать этот мир от падения. Мы не резали младенцев в колыбелях, мы стремились понять. А затем... затем кто-то наверху авторитетно заявил, что тяга к пониманию — это слабость. И мы принялись действовать гораздо быстрее, чем думать. Она наконец вскинула голову. В её глазах по-прежнему не было слез, но в них застыла вековая усталость — та, что приходит не от бессонных ночей, а от слишком затянувшихся дней.

— Ты говоришь, будто помнишь день, когда милосердие окрестили непозволительным риском, — тон Риэль вновь обрел монолитную ровность, словно она отыскала внутри ту

самую жесткую грань, за которой эмоции теряют власть над разумом. — А я отлично помню день, когда впервые осознала: страх виртуозно умеет притворяться долгом. Мы заходили в чужие дома, стучали в двери и авторитетно заявляли: «Мы защищаем порядок». И свято верили в собственную правоту. Пока самолично не увидели, как этот пресловутый порядок выглядит изнутри — как вечная мерзлота, которая не отпускает сердце даже в удушливое летнее пекло.

Оррена слегка склонила голову набок. Она не перебивала — слушала так, как слушают те, кто жаждет не удобных оправданий, а горькой правды.

— Я не прошу у тебя снисхождения к этому ребенку, — чеканила куратор. — Не требую закрывать глаза на его странности. Я прошу лишь об одном: не принуждай меня снова становиться той палаческой тенью, которой я быть перестала. Если он действительно несет в себе угрозу — покажи мне, в чем именно она заключается. Не в замшелых протоколах. Не в архивных записях Ордена. А здесь и сейчас. Пусть будет конкретика: вот это деструктивное действие, вот этот пугающий признак, вот эта явная угроза. И тогда я первой встану на страже. Но не проси меня воевать с призраками.

— Справедливо, — тихо отозвалась Оррена. — И абсолютно честно.

Риэль едва заметно выдохнула — не от облегчения, а скорее от того, что ей наконец удалось выстроить слова в без-

упречную шеренгу, заставив их не дрожать.

— И еще, — добавила она с нажимом, намеренно вливая свинец в собственный голос, чтобы не позволить ему смягчиться. — Если ты действительно хочешь, чтобы я контролировала каждый его шаг, не делай из этого одолжения. Не нужно просить: «дай ему шанс». Скажи прямо: «Отныне он под твоей ответственностью». Тогда у меня не останется лазеек, чтобы отвернуться. Я стану наблюдать. Каждую секунду. Фиксируя малейшую деталь. Потому что ответственность — это не слепая надежда. Это тяжелая работа.

Директор тонко улыбнулась — без тени радости, но с тем глубоким уважением, которое возникает, когда один первоклассный мастер признает авторитет другого.

— Принимаю твои условия, — кивнула Оррена. — Мальчик под твоей личной ответственностью. Ты фиксируешь всё, что выходит за рамки дозволенного. И ты первой сообщишь мне, если эти рамки начнут трещать по швам.

— Договорились, — подвела черту Риэль.

В этот момент из коридора донесся резкий, звонкий грохот — будто кто-то выронил тяжелую стопку книг, а следом шёпотом выругался, но так сочно, что эхо без труда пробились сквозь толстую дубовую дверь. Риэль вздрогнула. Не от испуга — сработал безупречный рефлекс куратора: Арголай никогда не давал времени подолгу додумывать тяжелые мысли.

Она уставилась на дверь, затем вновь перевела взгляд на

Оррену.

— Скорее всего, это Берг, — чуть приподняв бровь, констатировала директор. — Опять вознамерился расставить учебники по алфавиту и цвету обложки одновременно. У него пунктик на том, чтобы сводить всю вселенную в таблицы.

Уголок губ Риэль едва заметно дрогнул. Не в полноценной улыбке, а в чем-то близком к ней — в молчаливом признании того, что даже в мире, где веками вырезали за неправильную кровь, кто-то всё ещё способен неуклюже ронять книги и беззлобно ругаться под нос.

— Пойду помогу, — на ходу бросила Риэль, сухим профессиональным жестом поправляя манжету. — Или хотя бы помешаю ему устроить тотальную инвентаризацию посреди прохода.

— Спасибо, — просто отозвалась Оррена.

Куратор замерла у порога, опустив ладонь на дверную ручку — ледяную, массивную, отлитую из старого металла, который помнил времена, когда школа служила боевой крепостью.

— Не стоит благодарить, — обронила она через плечо. В её интонации вернулась привычная жесткость, но теперь в ней больше не чувствовалось смертоносного льда. — Это моя работа.

И она шагнула за порог.

Коридор встретил её обычным для Арголая затихающим

хаосом: далеким эхом чужого смеха и чьим-то торопливым топотом на нижнем ярусе. Чуть дальше действительно обнаружился Берг, растерянно застывший над живописным веером рассыпанных томов. Высокий, вечно сутулящийся, со сбившимся набок галстуком, он судорожно прижимал к груди охапку бумаг, которую таскал за собой повсюду — точно опасался, что без этой макулатуры мир вокруг окончательно развалится.

Завидев Риэль, старик на мгновение оцепенел, ожидая сурового выговора за нарушение тишины. Но затем облегченно выдохнул и почти жалобно пробормотал: — Коллега, я всего лишь хотел навести образцовый порядок... У меня ведь и детальная схема готова, она всё логически объясняет! Но... эти проклятые книги почему-то категорически отказываются в нее вписываться.

Риэль не принялась читать нотации. Вместо этого она плавно присела и принялась собирать разлетевшиеся учебники — быстрыми, выверенными движениями формируя безупречно ровные стопки.

— Настоящий порядок — это когда твердо знаешь, где что лежит, — спокойно наставляла она историка. — И цвет обложки тут совершенно ни при чем. Суть в том, чтобы отыскать нужный фолиант ровно за три секунды. Вот так.

Берг посмотрел на нее так, словно видел впервые — не деспотичную наставницу, а существо, доподлинно знающее, как удерживать равновесие, когда весь мир вокруг стреми-

тельно рушится.

— Три секунды, — эхом повторил он, лихорадочно извлекая из кармана потрёпанный блокнот и что-то быстро туда заноса. — Ладно. Пусть будет три секунды. Стану сортировать фолианты по номерам аудиторий. Это логично. Это... вполне вписывается в систему.

Дальше они собирали разлетевшиеся тома в полном молчании, но в этом безмолвии зародилось некое подобие союза. Не близкая дружба, не внезапное тепло, а разделенное на двоих понимание: любой хаос можно укротить, если усмирять его сообща.

Когда с работой было покончено, и историк удалился, непрестанно бормоча под нос: «номера аудиторий, номера аудиторий...», Риэль осталась стоять посреди прохода. Не одинокая, но и не часть бурлящей толпы. Она просто находилась на своем законном месте. И вдруг поймала себя на удивительном открытии: мир вовсе не рушится. Он шумит, спотыкается, роняет книги, совершает глупости — но продолжает стоять. И, пожалуй, этого пока достаточно.

Где-то в глубине здания пронзительно продребезжал короткий, резкий сигнал — не учебный, а технический. Набат возвещал о том, что пришла пора запирать кабинеты, гасить дежурные светильники и проверять надежность замков. Куратор привычно зашагала по коридору, мимоходом фиксируя привычные детали: неплотно прикрытую дверь лаборатории химии, скользнувшую у винтовой лестницы бродячую

тень, недовольный голос коменданта Киры, распекавшей кого-то за несданное дежурство.

И среди этой будничной суеты Риэль внезапно вспомнила о Рэване. Он ведь сейчас где-то здесь, в этих же стенах. Возможно, прилежно трудится в библиотеке, расставляя книги под присмотром очкастого Лео. Или замер у окна, созерцая, как синие сумерки затапливают школьный двор. А может, покорно сидит на скамье подле неугомонного Микка, слушая его пустую болтовню лишь ради того, чтобы она заглушала вечную леденящую тишину в его собственной голове.

Женщина невольно замедлила шаг. Не из желания сбежать от нахлынувших мыслей, а чтобы позволить им улечься — точно тяжелой пыли после шквального грозового фронта.

«Он под моей ответственностью», — мысленно повторила она, словно спасительную формулу, обязанную удержать её на ногах. И впервые за этот бесконечный вечер данная ноша не показалась ей неподъемной. Она ощущалась просто... правильной.

А в следующий миг она увидела его наяву.

Рэван одиноко стоял у стрельчатого окна на самом повороте галереи — там, где блеклый свет настенной лампы ложился неровными полосами, из-за чего половина лица подростка тонула в густой тени. Он не озирался по сторонам, не высматривал сверстников и не искал повода с кем-то заговорить. Он просто неподвижно смотрел на улицу, словно отчаянно пытался запечатлеть в памяти, как выглядит самый

обыкновенный вечер в самой обыкновенной школе.

Риэль замерла на месте. Не из желания напугать его, а из четкого понимания: если приблизиться чересчур стремительно, мальчишка вздрогнет. Слишком глубоко в нем сидел инстинкт дикого зверька, привыкшего, что любой идущий к нему человек несет с собой либо жесткий приказ, либо прямую угрозу.

Она двинулась дальше размеренно и плавно, следя за тем, чтобы её шаги звучали обыденно — не тише и не громче обычного, легко растворяясь в общем вечернем шуме галереи.

Рэван повернул голову. Не резко, но точно в цель, словно кожей почувствовал направленный на него взгляд.

— Госпожа Риэль — произнес он. В его негромком голосе не угадывалось ни робкого страха, ни подростковой дерзости — лишь фатальная готовность безропотно принять все, что последует дальше.

Куратор едва заметно приподняла подбородок — не ради дешевого эффекта, а повинаясь вековой привычке: держать ледяную дистанцию и ни при каких обстоятельствах не позволять себе становиться «своей» для смертных. Она не смягчила взора, не попыталась сгладить углы. Её суровая манера органически не терпела утешений.

— Не стой у окна, — ровно отчеканила она, без раздражения, но и без намека на снисхождение. — Отсюда прилично сквозит, а в твоём расписании на завтра значится контроль-

ная работа по истории рас. Банальная простуда не послужит оправданием, если ты окажешься не в состоянии ответить на базовые вопросы потока.

Рэван едва заметно дернул плечом — в этом мимолетном движении сквозило привычное ожидание болезненного упрека. Но упрека не последовало. Прозвучала лишь сухая констатация фактов, похожая на воинский устав, и именно из-за своей безэмоциональности она почему-то пугала куда меньше, чем домашние скандалы.

— Да, госпожа Риэль, — послушно отозвался он, отступая от подоконника на полшага назад, словно послушно возвращаясь в очерченные для него рамки дозволенного.

Женщина развернулась и зашагала к дверям кабинета — без лишних слов и финальных оглядок. Она двигалась в своем неизменном строгом ритме, который категорически не терпел ни суеты, ни пустых сантиментов. Тяжелая створка за её спиной глухо захлопнулась.

Рэван постоял в полумраке еще секунду, чутко прислушиваясь к затихающему стуку её каблуков. Затем медленно опустил взгляд на свои ботинки — старые, потертые, с едва заметно расходящейся строчкой на мыске, которую явно штопали уже не один раз. Он задумчиво провел пальцем по краю жесткой подошвы. Этот привычный мелкий жест помогал ему вернуть шаткое ощущение земли под ногами — той самой, твердой реальности, где не нужно каждую секунду судорожно гадать, какое твое случайное движение пока-

жется окружающим опасным.

Наконец мальчик выпрямился. Плавное, осторожно, как делают люди, привыкшие предварительно проверять, мимо Рэвана быстрым, уверенным шагом прошел Кира — тот самый староста школы. Высокий юноша со сбившимся воротником форменной рубашки прижимал к груди пухлую папку так бережно, словно в ней хранились не скучные бланки, а универсальные ключи от всех потайных дверей замка. Заметив новичка, он слегка замедлил ход, но полностью не остановился — в его манере сквозила повадка человека, привыкшего удерживать в голове десяток неотложных дел и не имеющего права застревать на чем-то одном.

— Ты куда? — бросил он на ходу. Староста не столько проверял дисциплину, сколько фиксировал факт: новенький перемещается в верном направлении.

— В общежитие, — отозвался Рэван. — Комендантский час скоро.

Кира коротко мотнул головой, будто мысленно поставил галочку в списке:

— Хорошо. А то Тёма опять разносит слухи, будто кто-то скрытно спускался по пожарной лестнице. Охрана уже проверяет замки на чердаке. Лучше не мелькать в проходах лишний раз, пока они во всем не разберутся.

Рэван внутренне напрягся, но не стал уточнять, при чем здесь вообще он. Подросток уже по опыту знал: в любом незнакомом месте тот, кто держится тише и незаметнее

остальных, автоматически возглавляет список подозреваемых.

— Я не стану мелькать, — спокойно пообещал он.

Кира удовлетворенно кивнул — этот невозмутимый тон его явно устроил:

— Тогда шагай, — скомандовал он, вновь прибавляя скорость. — и, если наткнешься на странные следы на полу — сразу доложи дежурному. Не вздумай сам их вытирать.

Староста скрылся за поворотом галереи, оставив после себя едва уловимый шлейф канцелярского клея и стойкое ощущение, что в Арголае даже предвечерняя суэта подчинена строгому регламенту.

Рэван продолжил свой путь. Он миновал массивную доску с расписанием дежурств, где его фамилия пока отсутствовала лишь потому, что канцелярия не успела обновить списки потока. Прошел мимо застекленного стенда с объявлениями. Там пестрели афиши школьного театрального кружка, висело приглашение на открытую лекцию «О природе смешанных рас» и пожелтевший листок с лаконичным напоминанием: *«Не оставляйте личные вещи без присмотра»*.

Едва он свернул за угол, как едва не столкнулся с Вельским — школьным библиотекарем. Маленький, юркий, с вечно взъерошенной шевелюрой, этот мужчина обычно смотрел на мир так, словно ежеминутно ожидал, что у него из-под носа умыкнут редчайший фолиант. Однако сейчас он выглядел не подозрительным, а скорее слегка виноватым.

Так ведут себя люди, собирающиеся совершить нечто сомнительное, но, по их мнению, абсолютно необходимое.

— А, Рэван! — облегченно выдохнул Вельский, будто обыскивал коридоры именно в его поисках. — Ты как раз вовремя. Понимаешь, тут скопилась внушительная стопка журналов из старого архивного фонда. Их жизненно необходимо рассортировать по годам и распределить по дальним полкам. Их сто лет никто не запрашивал, но утилизировать нельзя — вдруг кому-то приспичит писать реферат. Выручишь?

Рэван на секунду замялся. Комендантский час неумолимо приближался, а ему кровь из носа требовалось вовремя добраться до спального корпуса. Но в голосе книжника не улавливалось приказного тона — обычная человеческая просьба о помощи. И в этой обыденности крылось нечто парадоксально успокаивающее: от него не требовали быть кем-то особенным, не ждали подвоха. Просто просили перетаскать стопку старой бумаги.

— Хорошо, — коротко кивнул Рэван. — Я помогу. Но только быстро. Мне к восьми часам нужно быть в общежитии.

Вельский мгновенно оживился, словно у него гора с плеч свалилась от этого простого согласия.

— Замечательно! — заговорщически шепнул он, хотя в пустынном коридоре они находились совершенно одни. — Тут совсем рядом, в подсобных помещениях. Зато там пол-

нейшая тишина, никто под руку лезть не станет. Самое то.

Библиотекарь увлек его за собой, проворно скользнув в узкий, едва освещенный лаз между стеллажами. Полки здесь стояли так плотно, что даже худощавому подростку приходилось протискиваться боком. Рэван шагнул следом, и просторный школьный коридор мгновенно сменился тесным, глухим пространством, насквозь пропитанным густым ароматом древесного лака и вековой бумажной пыли.

В подсобке действительно высилась аккуратная пирамида потрепанных периодических изданий — выцветшие заголовки, потертые корешки и надорванные края страниц. Складывалось ощущение, что кто-то многократно перелистывал эти выпуски, так и не решившись дочитать до конца. Вельский опустился на колченогий табурет и принялся перебирать верхний пласт.

— Вот, гляди, — негромко пробормотал он, ведя пальцем по титульному листу. — Система элементарная: год отпечатан на обложке. Если цифры стерлись — проверяй первую полосу. Выстраиваешь хронологию снизу - вверх. Ничего сверхсложного.

Рэван опустился на корточки напротив, взял верхний номер и осторожно провел пальцем по плотной обложке. Год оттиска читался с трудом, но сквозь потертости всё же проступали фиолетовые цифры — две тысячи девяносто восьмой. Чтобы не повредить хрупкую бумагу, мальчик бережно перевернул страницу и отложил выпуск в нужную стопку.

— Ты ведь у нас новенький, — негромко продолжил Вельский. Он не смотрел на подростка — казалось, библиотекарь ведет беседу со старыми стеллажами. — И, должно быть, наивно полагаешь, будто здесь каждый только и ждет, когда ты оступишься или совершишь ошибку. Что ж, это чистая правда. Но знаешь, в чем кроется еще одна истина? В Арголае точно так же ждут, когда ты сделаешь что-то правильно. Когда ты без лишних слов просто возьмешь стопку старых архивов и методично расставишь их по порядку. Поверь, это здесь тоже идет в зачет.

Рэван промолчал, но в груди у него что-то едва заметно отпустило. Не до конца, но вполне достаточно, чтобы сделать нормальный, глубокий вдох. Он потянулся за следующим выпуском, сверил хронологию и определил его на место.

— А госпожа Риэль... — начал он, сам толком не понимая, зачем вообще заводит этот разговор. — Она всегда настолько... сурова?

Вельский не поднял головы от страниц, которые перебирал. Его пальцы на долю секунды замерли, а затем вновь монотонно зашуршали по пожелтевшему пергаменту.

— Она такая, какая есть, — просто отозвался книжник, без пространных объяснений и без малейших попыток оправдать куратора или осудить её методы. — Некоторые преподаватели любят отпускать шуточки, кто-то травит байки из жизни, а она — держит класс. Это не плохо и не хоро-

шо. Это её личный подход. У каждого в Арголае он свой.

Рэван затаил дыхание, ожидая продолжения. Возможно — каких-то скрытых деталей или намек на то, что за непроницаемой маской куратора прячется нечто иное. Но библиотекарь уже углубился в очередной фолиант, наглядно демонстрируя, что считает тему исчерпанной.

— Я понял, — тихо выдохнул Рэван и сосредоточился на своей части работы.

Больше они не проронили ни слова. Работали в полном безмолвии, но эта тишина не тяготила. Она походила на тот самый истинный порядок, о котором давеча толковала куратор: простой, понятный, где за каждым предметом раз и навсегда закреплено его законное место. Рэван бережно водружал выпуски на полки, Вельский едва слышно бормотал под нос бесконечные даты, изредка бережно поправляя стопки, чтобы те выстраивались по идеальной линейке.

Когда последняя связка периодики заняла свое место на стеллаже, библиотекарь с облегчением выпрямился, потянулся всем телом и тихо выдохнул.

— Спасибо, — произнес он уже обычным, не заговорщическим голосом. — Без твоей помощи я бы точно проторчал здесь до глубокой ночи.

— Не за что, — так же тихо отозвался Рэван.

Книжник бросил короткий взгляд на настенные часы — круглые, с мерным, сухим тиканьем, которое в замкнутом пространстве подсобки казалось оглушительным.

— Так. До отбоя осталось всего пять минут. Если двинешься напролом через центральную галерею, рискуешь нос к носу столкнуться со старшим патрулем. Ступай лучше через черный ход, мимо кухонного блока. Там обычно мертвая зона, и дежурные туда почти не заглядывают. Двигайся прямо, затем забирай налево, и сразу за поворотом обнаружишь выход во внутренний двор. Оттуда до спального корпуса рукой подать.

Рэван поняливо кивнул: — Хорошо. Спасибо вам.

— Главное — не вздумай опоздать, — напутствовал Вельский, уже возвращаясь к своим стеллажам. — Госпожа Риэль органически не переносит нарушителей регламента. И поверь моему опыту, строчить здесь объяснительные — далеко не самое приятное развлечение.

Рэван шагнул в прохладный полумрак технического коридора и быстро пошел по указанному маршруту. Проход оказался узким, насквозь пропитанным густыми кухонными ароматами — смесью наваристого супа и свежеиспеченного хлеба. Из-за одной из приоткрытых дверей доносился глухой монотонный шум: гремела посуда, прачки или повара переговаривались вполголоса.

Подросток миновал опасную зону, стараясь держать средний темп — не сбавлять ход, но и не срываться на бег. Передвигаться слишком стремительно тоже было грубой тактической ошибкой, он это уже прочно усвоил. Бегущий человек мгновенно привлекает к себе лишние взоры. Сразу кажется,

будто ты от кого-то отчаянно спасаешься.

Черный ход представлял собой массивную металлическую дверь с проржавевшей скобой ручки. Рэван навалился на нее плечом — створка поддалась с натужным, тягучим скрипом, и в лицо мальчику мгновенно ударил сырой вечерний воздух.

Двор тонул в глубоких сумерках, но пустым не был. Под тусклым пятном единственного фонаря, метрах в двадцати от крыльца, переминался Микк. Засунув руки в карманы куртки и высоко подняв воротник, он внимательно слушал того самого юркого парня, Тёму. Последний, судя по оживленной жестикуляции, увлеченно рассказывал нечто длинное и, весьма вероятно, далекое от правды.

Микк заметил брата первым и небрежно махнул рукой: — Эй! Я уж решил, что ты там прописался и останешься ночевать.

— В библиотеке задержали, — коротко отозвался Рэван, приближаясь к паре.

— В библиотеке, — с привычной усмешкой повторил Микк, покосившись на приятеля. — Ты здесь первый день, а уже готов фолианты глотать. Нормально, что.

— Не фолианты. Старые журналы расставлял по местам.

— О, еще лучше! — Микк картинно развернулся к Тёме. — Слышал? Мой братец — образцовый дежурный. Береги его, Арголай, такие кадры на дороге не валяются.

Тёма хмыкнул. Без злобы — скорее, по-своему оценив

иронию. Он выглядел невысоким и жилистым, а его цепкие глаза непрестанно двигались, словно сканировали пространство вокруг: кто застыл в тени, кто направляется к жилому корпусу, какая дверь приоткрыта и где можно срезать путь.

— Я Тёма, — представился он, протягивая ладонь. — Из параллельного потока. У меня отец, Тагг, тут дворником вкалывает уже больше десяти лет. Так что я этот замок знаю получше, чем добрая половина преподавателей. Если возникнут вопросы — обращайся.

Рэван пожал руку — коротко, без лишних движений: — Рэван.

— В курсе, — кивнул Тёма. — Вас двоих с самого полудня наперебой обсуждают. Ты — забитая тень, а твой братец — ходячая катастрофа. Классическое комбо.

Микк рассмеялся — открыто, во весь голос. Этот размашистый звук в пустом вечернем дворе показался Рэвану чужеродным. Слишком живым для мрачного места, где все привыкли общаться исключительно вполголоса.

— Ну, справедливо, — легко согласился Микк. — Я действительно парень шумный. Зато ты у нас специалист по тишине.

— Тихий-то тихий, — подтвердил Тёма, переводя взор на младшего брата. — Вот только Кира, наш дотошный староста, уже дважды пытался, куда ты запропастился. Он маньяк по части того, чтобы все торчали строго на своих местах. Прямо как в его пресловутой папке: каждый листок

обязан четко знать, в каком ряду лежать.

— Я встретил его в галерее, — вспомнил Рэван. — Он велел не мелькать на виду, пока охрана патрулирует лестницы.

Тёма мгновенно оживился, затронув явно любимую тему:

— А-а, пожарная лестница! — он заговорщически понизил голос, несмотря на то что во дворе они находились одни. — Тут ведь какое дело: замок на ней заедает уже второй месяц. Я отцу говорил, отец передавал завхозу, а тот отмахнулся — мол, позже разберусь. А теперь выясняется, будто по ней кто-то шляется по ночам, и администрация строит из себя удивленных. В Арголае вообще половина громких «новостей» — это застарелые проблемы, которые вовремя поленились починить.

— Тёма, — Микк с улыбкой покачал головой. — Ты распинаешься тут с таким видом, будто тебе ведомы абсолютно все секреты школы.

— Так и есть, — без лишнего хвастовства, просто как неоспоримый факт констатировал парень. — Когда твой отец год за годом драит одни и те же каменные плиты, ты волей-неволей запоминаешь, под какой из них гуляет пустота и где камень силло дышит под шагом— Ладно, закругляемся, — скомандовал Микк, звучно хлопнув в ладоши. — До отбоя осталось от силы пару минут. Если опоздаем — госпожа Риэль нас одним взором испепелит. А я как-то пока не планировал превращаться в горстку пепла.

— Тебя-то она точно не тронет, — хмыкнул Тёма. — Ты

для нее понятный материал. Наш куратор таких, как ты, за версту чувствует: шумные, упрямые, но в конечном счете послушные системе.

— Это я-то послушный?! — Микк картинно изобразил глубокую обиду, но его глаза откровенно смеялись.

— Когда прижмет — да, — хмыкнул Тёма. — Ладно, разбегаемся. Мне в свое крыло пора. До завтра.

Он коротко кивнул Рэвану. Спокойно, без лишней фамильярности, но с тем негласным уважением, которое возникает, когда понимаешь: этот парень не станет ни лезть в твои дела, ни трусливо прятаться за чужую спину.

— Бывай, — бросил Микк.

Тёма мгновенно растворился в густых сумерках двора, оставив братьев наедине. Микк потоптался секунду, словно примеряясь к нахлынувшей тишине, а затем резко дернул плечом. Он всегда так делал, когда чувствовал неловкость от чего-то хорошего и отчаянно пытался от этого отмахнуться.

— Ладно, шевелись, — буркнул он, намеренно напуская на себя суровость, и зашагал к дверям общежития.

Рыжий держался чуть впереди, демонстрируя повадки главного проводника, а не просто спутника. Рэван покорно следовал за ним, даже не пытаясь поравняться. Мальчик давно усвоил железное правило: стоит пойти вровень, и Микк тут же примется толкаться локтями, подначивать и дергать за рукава, стремясь сбить с пути. Но если держаться строго позади, старший моментально успокаивался. Ему жизненно

необходимо было чувствовать, что сзади плетется тот, кто не спорит, не рвется вперед, а просто безмолвно подчиняется.

— И охота тебе была вызываться? — бросил Микк через плечо, даже не оборачиваясь. — Торчал там один, пока все нормальные люди отдыхали. — Библиотекарь просил помочь, — спокойно ответил Рэван. — К тому же, кто-то должен был прибратся.

— «Кто-то должен был», — передразнил старший, но без привычной ядовитой злости. Скорее по инерции — словно поддразнивал самого себя за то, что вообще проявил интерес.

— Ну да, в этом ты у нас мастак. У тебя, небось, и носки в шкафу разложены строго по датам стирки. Рэван промолчал. Он не стал напоминать, как Микк однажды в ярости вывернул весь их общий комод наизнанку в поисках какой-то дурацкой футболки. Именно после того погрома младший твердо решил: если каждая вещь будет лежать на своем законном месте, у домашних пропадет лишний повод злиться. Но пускаться в объяснения сейчас не имело ни малейшего смысла. Микк никогда не вникал в суть слов. Он слушал исключительно интонации. — Чего безмолвствуешь? — снова донеслось спереди. Рыжий чуть сбавил ход, явно ожидая, что брат огрызнется или хотя бы раздраженно вздохнет. Но Рэван не собирался вестись на провокацию. На пороге корпуса Микк резко затормозил, едва не заставив младшего врезаться себе в спину, и кивнул на раскиданные у двери чьи-

то грязные ботинки:

— Глянь, а эти корыта ты почему на место не убрал, мистер идеальный порядок? — Они валяются посреди прохода, — ровно аргументировал Рэван. — Ну и перешагни. Ноги-то есть?

Рэван молча перешагнул. Не из покорности, а из четкого понимания: затеять ссору с Микком в первый же вечер в незнакомых стенах — значит выдать ему карт-бланш на полноценный скандал. А поводов старшему и без того всегда хватало с избытком.

Они миновали гулкий, пахнувший сыростью и старой краской холл, поднялись по скрипучей лестнице и углубились в длинный коридор жилого крыла. Микк всю дорогу демонстративно громко топал, словно проверяя прочность половиц, пока наконец не толкнул плечом дверь выделенной им комнаты. Едва оказавшись внутри, он даже не повернул защелку.

Микк опустился на свою кровать, привалился спиной к стене и привычно скрестил руки на груди. Он буравил Рэвана прищуренным, оценивающим взглядом. Так смотрят на упрямую вещь, которая жутко раздражает тем, что никак не желает ломаться.

— Знаешь, — вдруг глухо выдохнул Микк, и в его интонациях больше не улавливалось вызова. Навалилась свинцовая усталость. — Я ведь весь день из кожи вон лез, чтобы казаться безразличным. Демонстрировал, будто мне плевать

на эти косые взгляды, на этот змеиный шёпот за спиной... Делал вид, будто ничего не слышу. А на самом деле — слышу. Каждый чертов вздох.

Рэван не принялся сочувственно кивать или сыпать дежурными утешениями в духе «всё наладится». Он просто присел на край своего матраса — прямо, спокойно — и посмотрел на брата. Без осуждения, без приторной жалости. Просто как на близкого человека.

— Ты вовсе не обязан орать громче всех, чтобы тебя заметили, — тихо произнес он. — И не должен судорожно доказывать окружающим, что тебе неведом страх. Вполне достаточно просто находиться здесь. Быть рядом.

Микк хмыкнул. Но на сей раз обошлось без яда — рыжий лишь отчаянно пытался замаскировать то, как глубоко вонзились в него эти простые слова. Туда, где под толстым слоем наглости прятался измотанный ребенок.

— Легко тебе рассуждать, — буркнул он, растеряв весь свой напор. — Ты виртуозно умеешь сливаться с тишиной. А я — нет. Меня до ужаса колотит от мысли, что, если я замолчу хотя бы на минуту, все вокруг решат, будто меня вообще не существует в природе.

— Ты существуешь, — твердо отозвался Рэван. — И ты здесь. Даже когда не повышаешь голоса.

Микк долго молчал. Затем медленно разомкнул руки и устало опустил ладони на колени, словно окончательно сбрасывая с плеч неподъемную тяжесть прошедшего дня.

— Ладно, — пробормотал он, заметно сбавляя тон. — Пусть так. Сегодня я побыл наглым выскочкой. Завтра... завтра, может, попробую побыть просто собой. Если, конечно, выгорит.

— Обязательно выгорит, — кивнул Рэван.

Словно испугавшись собственной внезапной искренности, Микк резко поднялся с кровати. Напускная небрежность мгновенно вернулась к нему. Он на ходу содрал с себя форменную куртку и точным, привычным движением швырнул её прямо на стул — промахнулся, и тяжёлая ткань сползла на пол. Следом туда же полетели скомканные носки и футболка. Микк разбросал свои вещи по комнате с таким видом, будто заявлял права на эту новую территорию, и только после этого, оставшись в одних тренировочных штанах, устало рухнул обратно на матрас.

Рэван поднялся, подошел к стрельчатому окну и осторожно отодвинул край тяжелой занавески. Школьный двор тонул в кромешной тьме. Одинокие фонари отбрасывали на гравий неровные блеклые круги света — в одном из таких пятен еще недавно они стояли втроем с Тёмой. Теперь там не осталось ни души. Арголай затихал, бережно пряча свои мрачные секреты во тьму и оставляя на виду лишь то, что дозволялось увидеть посторонним.

— Ложись, — негромко скомандовал Рэван, возвращаясь к своей постели. — Завтра нас ждет первый полноценный

учебный день. Снова будет полно косых взглядов и ядовитого шёпота за спиной. Но мы пройдем через это вместе.

Микк промолчал. Он молча забрался под одеяло и отвернулся лицом к стене. Рэван щелкнул выключателем, и комната мгновенно погрузилась в зыбкий полумрак — лишь тонкая золотистая полоска света из коридора ровно пробивалась под запертой дверью.

В это же самое время в противоположном крыле замка, в крошечной тесной камерке под самой крышей актового зала, в одиночестве сидела Лисса. Она изо всех сил прижимала к груди потрёпанного плюшевого лиса. Это была не просто детская игрушка, а её личный талисман, который она неизменно доставала, когда на душе становилось особенно скверно.

Лисса принадлежала к загадочной расе тернов. Её кожа отливала мягким, приглушенным серо-зеленым оттенком, а вдоль висков вились тонкие темные узоры, напоминающие переплетенные ветви дикого кустарника. В интернате её практически не замечали: девочка сознательно держалась в стороне, мастерски пряталась в самых глухих уголках и отчаянно старалась не привлекать к себе лишнего внимания.

Но сегодня уберечься не удалось. На большой перемене один из заносчивых старшеклассников-огненных намеренно с размаху толкнул её у шкафчиков с учебниками. Толкнул не столько сильно, сколько показательно и унижительно — так, чтобы зрелище развлекло толпу. *«Тернам не место в об-*

щем зале», — брезгливо выплюнул он под одобрительный смешок стоявших рядом приятелей. Лисса не проронила ни слова. Она лишь безмолвно подобрала упавшую тетрадь, бережно стёрла пыль с картонной обложки и поспешно ушла туда, где её никто не сумел бы отыскать.

Внезапно снизу донесся глухой, раскатистый удар — точно кто-то в ярости или в спешке слишком сильно хлопнул тяжелой дверью. Лисса испуганно вздрогнула, еще крепче вцепившись в плюшевую лапу своего лиса. Помедлив, она осторожно подкралась к узкому оконцу, выходившему во внутренний двор-колодец. Стекло было мутным, покрытым вековыми дождевыми разводами, но сквозь эту серую пелену девочка отчетливо разглядела шагающую вниз невысокую фигуру.

По площади шел Тёма. Поигрывая шваброй и удерживая в руке ведро, он передвигался привычным, размеренным шагом — словно сам давно являлся неотъемлемой, безмолвной деталью этой огромной школьной машины.

Лисса тихо, с облегчением выдохнула. Тёму она не боялась. Сын старого дворника никогда и ни на кого в этой школе не взирал свысока. Однажды, еще в прошлом учебном году, когда она забилась на подоконник в заброшенном переходе и отчаянно пыталась сдержать слезы, этот парень просто шел мимо по своим делам. Но через минуту вернулся, молча поставил рядом с ней стакан чистой воды и так же беззвучно удалился, не став докучать расспросами. Того скупоп-

го жеста ей хватило, чтобы запомнить его навсегда.

Она уже собиралась отойти от стекла, как вдруг заметила еще один силуэт. Чуть дальше, у самого основания пожарной лестницы, промелькнула смутная тень. Не Тёма. Кто-то другой. Высокий, подтянутый, в безупречно отглаженной темной форме. Кира.

Лисса озадаченно нахмурилась. Староста редко патрулировал открытый двор — он безоговорочно предпочитал парадные коридоры, учебные классы и учительскую. А сейчас юноша замер, запрокинув голову, словно чутко прислушивался к едва уловимому дыханию самого замка. Затем он медленно провел ладонью по каменной кладке стены, будто проверял, не вибрирует ли она изнутри.

«Он тоже чувствует неладное», — пронеслось в голове у Лиссы. И от этого открытия ей парадоксально сделалось легче. Не то чтобы она искренне желала, дабы кому-то в этих стенах было так же паршиво и одиноко, как ей. Просто если даже строгий, непоколебимый Кира застывает столбом, вслушиваясь в вечернюю мглу, — значит, здешняя тишина действительно насквозь фальшивая. Значит, Арголай скрытно готовится к чему-то бурному.

Девочка отступила вглубь каморки и вновь опустилась на колченогий деревянный ящик, заменявший ей стул. Плюшевый лис уставился на хозяйку круглыми пуговичными глазами, словно безмолвно вопрошая: *«Что теперь?»*

— Теперь ничего, — едва слышно прошептала она, баю-

кая игрушку. — Будем просто ждать.

И в это мгновение в темном переходе ярусом ниже раздался новый звук. Не грохот, не скрип половицы, а тихий, крадущийся шаг. Кто-то передвигался с предельной осторожностью, панически боясь спугнуть воцарившуюся ночь. Лисса оцепенела.

Хлипкая дверь в её убежище не была заперта на замок — лишь плотно прикрыта. И прямо сейчас деревянная створка плавно, почти беззвучно подалась вперед, приоткрываясь еще на пару сантиметров.

На пороге выросла монументальная фигура Риэль. В её тонких пальцах тускло поблескивал компактный фонарик. Узкий луч выхватил из чернильной темноты полосу запыленного пола, задев углы ветхих картонных коробок.

— Я так и знала, что обнаружу тебя именно здесь, — спокойно произнесла куратор, без тени удивления или гнева. — Ты неизменно забиваешься туда, где тише всего.

Лисса испуганно вжалась в угол, до боли сдавив плюшевые бока своего лиса: — Простите... Госпожа Риэль, я вовсе не хотела нарушать школьные правила...

— Данная каморка не входит в официальный перечень запретных зон, — ровно отчеканила Риэль. В её тоне не улавливалось и тени снисхождения, она просто хладнокровно констатировала факт. — Однако комендантский час наступил двадцать минут назад. А это — прямое нарушение дисциплины.

Лисса понуро опустила голову. Девочка внутренне приготовилась к суровому выговору, к размашистой записи в штрафном журнале или к чему-то куда более паршивому. В случае с Риэль невозможно было предугадать грядущие последствия. Куратор никогда не срывалась на крик, не сыпала дешевыми угрозами и не пыталась морально раздавить. Она просто изрекала факты, но от этого безупречно спокойного, замороженного голоса внутри становилось холоднее, чем от самой яростной ругани.

— Я... я банально задержалась, — едва слышно пролепетала Лисса. — Не уследила за временем.

— Не уследила, — эхом повторила Риэль. В этом дубляже не чувствовалось ни ядовитого упрека, ни скрытой иронии — лишь сухая фиксация чужих слов. Куратор выдержала короткую паузу и властно кивнула в сторону дверного проема: — Идём.

Не «пойдем на выход». Не «я вынуждена тебя проводить». Лаконичное «идём» — воинская команда, не подлежащая обсуждению.

Лисса поспешно поднялась, сунула плюшевого лиса в глубину рюкзака и торопливо поправила высокий воротник, тщетно пытаясь замаскировать темные узоры на висках. Риэль ждать не стала — она уже развернулась и стремительно шагнула в темную галерею. Лиссе пришлось фактически бежать трусцой, чтобы не отстать от куратора и не затеряться во мраке.

Они продвигались в полном безмолвии. Риэль шагала монолитно, размеренно, выверяя каждый шаг по невидимой линейке. Лисса семенила следом — мелко, суетливо, отчаянно стремясь не наступать на скрипучие половицы, хотя куратор этот древесный треск попросту игнорировала. Пятно света от карманного фонаря выхватывало из чернильной темноты куски замшелых стен, старые латунные таблички и глухие запертые двери классов.

— Почему вы явились сюда сами? — не выдержала Лисса и в ту же секунду мысленно прокляла себя за излишнее любопытство.

Риэль даже не замедлила ход: — Дежурный офицер доложил о постороннем шуме в северном крыле. Я отправилась проверить сектор. Объектом оказалась ты.

Лисса с трудом сглотнула вязкую слюну. Выходило, её миомолетное присутствие приняли за нечто... иное. За потенциальную угрозу, из-за которой высокопоставленный куратор сочла нужным лично патрулировать чердачные перекрытия.

— Вы предполагали, что столкнетесь с кем-то опасным?

— Я не строю предположений, — отрезала Риэль. — Я проверяю факты. Это принципиально разные вещи.

Они резко свернули на финишную прямую, и впереди наконец замаячила массивная дверь спального корпуса, оснащенная кнопчным кодовым замком. Риэль набрала секретную комбинацию не глядя, её тонкие пальцы порхали по панели на чистом автомате. Металл глухо щелкнул, створка по-

далась вперед.

— Третий этаж, комната триста двенадцать, — скомандовала куратор, застыв на пороге и не собираясь переступить черту жилого блока. — Если ты не окажешься в своей постели ровно через три минуты, я внесу рапорт в личное дело. Два рапорта за неделю — автоматический вызов на ковер к директору. У тебя один уже имеется.

Девочка быстро-быстро закивала, панически боясь, что любое лишнее движение или заминка спровоцируют куратора: — Я поняла вас. Всё поняла.

— Ступай.

Риэль развернулась и зашагала обратно, растворяясь в прохладной чернильной темноте пустого перехода. Она не оглянулась и не обронила на прощание ни единого дежурного слова — ни «спокойной ночи», ни банального «больше не попадайся». Куратор просто удалялась, и сухой стук её каблучков звучал безупречно ровно, пока окончательно не растаял в глухом ночном гуле замка.

Лисса так и застыла в дверях жилого блока, судорожно прижимая лямки рюкзака к груди. Сердце бешено колотилось в ребра — не от панического страха, а от того самого странного, липкого ощущения, которое неизменно оставалось после randevu с куратором. Словно ты вовсе не живой человек, а безлика строчка в еженедельном рапорте. Проверена. Зафиксирована. Закрыта.

Она бесшумно поднялась на третий этаж и проскользну-

ла в свою комнату. Её соседка по парте уже видела десятый сон — тихая девочка-терн по имени Олва, отличавшаяся серебристой чешуёй на скулах и привычкой отключаться раньше всех на потоке. Лисса на цыпочках переоделась в пижаму, скользнула под прохладное одеяло и устроилась в глухую темноту потолка.

Плюшевый лис послушно лежал под подушкой. Девочка осторожно касалась подушечками пальцев его мягкого уха, словно проверяя: раз талисман на месте, значит, мир еще не окончательно рухнул.

Но долгожданный сон категорически отказывался идти. В мыслях непрестанно крутился недавний монолог Риэль — холодный, лаконичный и точный, словно медицинский диагноз в амбулаторной карте: *«Я не строю предположений. Я проверяю факты»*. Лисса горько подумала: а отправлялась ли куратор в северное крыло вообще ради неё? Или она буднично обходила утвержденный дирекцией маршрут, и Лисса просто подвернулась ей под руку — точно случайная пылин-ка, которую заметили лишь потому, что она на миг пересекла направленный луч света?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.